

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.С. Парсамов, А.В. Шалаева

**ВАК И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОЙ
АТТЕСТАЦИИ В СССР В 1930-е ГОДЫ.
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Препринт WP6/2014/04
Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2014

УДК 001.3
ББК 72.4(2)
П18

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

- П18 **Парсамов, В. С., Шалаева, А. В.**
ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы. Итоги и перспективы изучения : препринт WP6/2014/04 [Текст] / В. С. Парсамов, А. В. Шалаева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 40 с. – 150 экз.

Становление системы научной аттестации в СССР было тесно связано с политикой и идеологией. Однако при изучении этой темы исследователи, как советские, так и современные, как правило, не обращают внимания на политический контекст, и в силу этого общая картина предстает в искаженном виде. Авторы данной работы намечают возможные перспективы в изучении истории Высшей аттестационной комиссии в 1933–1938 гг. Они показывают, что ВАК с самого начала была задумана не только как структура, присваивающая ученые степени и звания, но и как механизм управления наукой со стороны государства. На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, демонстрируются приемы и методы работы ВАК как одного из звеньев государственной машины сталинизма.

УДК 001.3
ББК 72.4(2)

Ключевые слова: ВАК, научная аттестация, ученые звания, ученые степени, государственная идеология.

Парсамов Вадим Суренович – главный научный сотрудник ИГИТИ НИУ ВШЭ

Шалаева Анастасия Владимировна – стажер-исследователь ИГИТИ НИУ ВШЭ

В данной научной работе использованы результаты проекта «Практики аттестации и присвоения ученых степеней в европейских университетах Нового времени», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Парсамов В. С., 2014
© Шалаева А. В., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

История вопроса

Проблема научной аттестации преподавателей вузов, несомненно, имеет не только практический, но и научный интерес. Она давно и достаточно плодотворно исследуется применительно к XIX в. Исследования здесь ведутся главным образом в двух направлениях: история степеней и званий в императорской России¹, а также практика защиты диссертаций². Отдельно следует выделить попытку омских коллег рассматривать историю диссертационных защит по гуманитарным наукам в России как явление научной культуры, «без специального рассмотрения которого невозможно раскрыть ни область приоритетных направлений творческой деятельности историко-научного сообщества избранного времени, ни смысл повседневной профессиональной жизни российских историков,

¹ *Кричевский Г.Г.* Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153; *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994 (См. также рецензию: *Волобуев П.В., Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи. XVIII в. 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994 // Вестник Российской Академии наук. 1996. Т. 66. № 3. С. 268–276); *Феофанов А.М.* Ученые степени в Московском университете XVIII в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 4 (41). С. 7–14; *Якушев А.Н.* Законодательство в области подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней в России (1747–1918): история и опыт реализации. СПб.: СПб Академия МВД России, «Сан-Сан», 1998; *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009; *Климов А.Ю.* История создания положения об испытаниях на ученые степени в архивных документах Российской империи (1819–1837 гг.). Краснодар: КУ МВД России, 2007.

² *Кричевский Г.Г.* Библиография диссертаций (Опыт обзора и план дальнейших работ в этой области) // Из трудов Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1948. С. 103–104; *Он же.* Диссертации университетов России: 1805–1919 гг.: библиогр. указ. М., 1984; *Он же.* Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи: (1755–1918): библиогр. указ. / сост., предисл., науч. ред. и посмертное издание А.Н. Якушева. Ставрополь, 1998. *Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v-pr.html> (дата обращения: 06.09.2014); *Сандерс Т.* Третий оппонент: Защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 161–192.

ни характер и особенности формирования научных школ»³. Следует заметить, что заявленный данными авторами «антропологический подход» к изучению диссертационной культуры может дать результаты лишь при исследовании документов, относящихся к достаточно отдаленному от историка временному отрезку – к периодам, выходящим за пределы его актуальной памяти. Из сказанного, разумеется, не следует, что индивидуальная память историка о диссертационных перипетиях малоценна. Напротив, крайне желательно ее хранить и переносить на бумажные и электронные носители.

Другое дело официальная история, являвшаяся в советское время неотъемлемой частью государственной идеологии и занимающаяся не повседневно, хорошо всем знакомой, а репрезентацией государственного аппарата во всех его проявлениях – в данном случае системы научной аттестации. Первые «исследования» такого рода начали появляться в 1950-е годы⁴. Однако на протяжении всего советского времени они не составляли отдельного направления и рассматривались в рамках общей истории высшего образования в СССР⁵. Написанные с идеологических позиций правящей партии подобные работы должны были в первую очередь утвердить правильность этой политики и представить ее как последовательную и непротиворечивую. При этом авторы, пишущие на эту тему, не останавливаются ни на механизме присуждения этих степеней и званий, ни на деятельности ВАК, что вполне объяснимо. На аттестационную систему они смотрят не как на один из важнейших каналов распространения советской идеологии, а как на технический момент, сопутствующий процессу подготовки научных кадров. Как бы само собой подразумевалось, что присуждение степеней и званий является закономерным следствием достижения ученым определённого научно-го уровня.

В постсоветский период, когда можно было уже не скрывать отсутствие прямой связи между научным уровнем соискателя и присуждени-

³ *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 6. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. С. 10.

⁴ *Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М.: Сов. наука, 1950; *Галкин К.Т.* Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Сов. наука, 1958.

⁵ *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. М.: Высш. шк., 1988.

ем ему ученой степени, стали появляться работы, содержащие практические советы будущим диссертантам⁶. Иногда их авторы для полноты картины бегло обзоредали историю становления аттестационной системы в СССР.

Одновременно деятельность ВАК стала подвергаться критике в статьях и выступлениях, направленных не столько на понимание сути явления, сколько на его реформирование⁷. В ряде подобных работ сложилась устойчивая схема: в СССР была хорошо продуманная и отлаженная система научной аттестации, которая с развалом СССР утратила свои изначальные функции и превратилась в некий ненужный орган, выдающий дипломы авторам порой сомнительных диссертаций. Такого рода представления унаследовали от советской эпохи взгляд на ВАК как на вполне надежный фильтр, стоящий на пути искателей степеней и званий. При этом не объясненным остается вопрос, почему в советское время ВАК должным образом выполняла свои функции, а после распада СССР перестала?

Исследователи, обращающиеся к источникам, обнаруживают иную картину. Так, например, Л.А. Козлова пришла к выводу, что с самого начала деятельности ВАК научный уровень соискателей не был ни единственным, ни решающим фактором в присвоении искомым степеней. Фактически речь шла не о научной аттестации, а о создании некоей параллели чиновничье-административной иерархии: «Созданная в 1930-е годы в СССР система аттестации научных кадров имела в значительной степени имитационный характер и использовалась в качестве научного ана-

⁶ *Высуб В.Г.* Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М.: Логос, 2005; *Загузов Н.И.* Становление и развитие квалификационных научно-педагогических исследований в России (1934–1997 гг.). СПб.; Волгоград: Перемена, 1998; *Неволин В.Н.* Актуальные вопросы государственной системы аттестации научных и научно-педагогических работников на современном этапе. М.: Изд-во ИКАР, 2005; *Уваров А.А.* Новые правила по присвоению ученых званий: практическое пособие. М.: ЭЖМО, 2003; *Он же.* Ученое звание: порядок присвоения, лишения, восстановления, признания и установления эквивалентности: практическое пособие. М.: Экономика, 2006; *Марьянович А.Т., Князькин И.В.* Новая эрратология, или Как получить ученую степень. СПб.: ДЕАН, 2005.

⁷ *Владимиров А.* Факультет ненужных вещей // Итоги. 2013. № 5. С. 15–17; *Голик Ю.В.* В ученых степенях согласия нет // Ученый совет. 2010. № 8. С. 34–38; *Граник А.* Как остановить девальвацию ученых степеней? // Ученый совет. 2008. № 9. С. 63–66, 76–77; *Ученая степень как клубный пиджак // Нанотехнологии. Экология. Производство.* 2012. № 2. С. 56–59; *Михайлов О.В.* О диссертационных советах и присуждении ученых степеней // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 2. С. 141–152.

лога административно-политических чинов»⁸. Это положение полностью применимо к современной ситуации, когда бюрократы и партocrats разных уровней считают необходимым получить научную степень, даже не камуфлируя при этом свою непричастность к научным занятиям.

В статье А.С. Сони́на на конкретных примерах, относящихся к послевоенным годам, показана роль ВАК как идеологического фильтра. По наблюдениям автора, «в деятельности ВАК явно прослеживались идеологическая и политическая компоненты. В те времена иначе и быть не могло. ВАК, будучи одним из управлений Министерства высшего образования, стояла на страже не столько научного качества диссертаций, сколько их идейного содержания и политической направленности. При этом всегда последние компоненты являлись определяющими»⁹.

К сожалению, подобного рода работ, изучающих исторические аспекты в деятельности ВАК, и вскрывающих тайные механизмы принятия решений в процессе аттестации научных кадров, крайне мало. Зато как из рога изобилия сыплются работы А.Н. Якушева¹⁰ и его последователей¹¹. Для этой группы авторов характерны разыскания в области зако-

⁸ Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01koz.html> (дата обращения: 06.09.2014).

⁹ Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. № 1. С. 63.

¹⁰ Якушев А.Н., Исупова И.В., Кулькина И.В. Высшая аттестационная комиссия в подзаконных актах СССР и РФ. Состав и итоги деятельности (1934–2007) // Закон и право. 2008. № 1. С. 36–39; Якушев А.Н., Кулькина И.В. Развитие совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР в сфере присуждения учёных степеней // Закон и право. 2007. № 4. С. 104–105; Якушев А.Н., Пацця Д.В. Требования к диссертациям в СССР. Историко-правовой аспект // Закон и право. 2010. № 5. С. 107–111; Якушев А.Н., Пацця Д.В. Требования к диссертациям в СССР. Историко-правовой аспект // Закон и право. 2010. № 5. С. 107–111.

¹¹ Кулькина И.В. Правовое регулирование деятельности высшей аттестационной комиссии СССР в сфере присуждения ученых степеней (1934–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Владимир, 2008; Ишанова М.В. Регулирование порядка присуждения ученых степеней в дореволюционный и советский период: Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Тамбов, 2007; Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России, 1802–1994: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Пенза, 2004; Кулинич М.В. Исторический опыт государственной политики СССР в сфере организации научных исследований в 1960–1980-е годы: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2006; Hanco М.Б. Порядок присвоения ученых званий в России (СССР) (1804–1995): историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Краснодар, 2003; Воронаев И.Г. Порядок присуждения учёных степеней в России и СССР (1802–1995): дис. ... канд. юридич. наук. Невинномысск, 2000;

нодательства, связанные с присуждением ученых степеней в России. «Коллекционируя» различные нормативы, положения, распоряжения, разъяснения и т.д., касающиеся научной аттестации, исследователи, как правило, не видят стоящих за ними реальных проблем и не обращают внимания на историю появления тех или иных нормативных актов. Отсюда подлинная телеология этих документов остается незамеченной. Так, например, в статье «Оценка результатов диссертаций на соискание учёных степеней в России как теоретико- и историко-правовая проблема» А.Н. Якушев с некоторой долей простодушия отмечает: «Критерии докторских и кандидатских диссертаций должны иметь не абстрактный, а конкретный образ, содержание и меру новых научных знаний, ранее полученных учёными и представленных ими в научных жанрах литературы»¹². Между тем такого рода пожелание противоречит самой природе ВАК, обладающей значительной степенью непредсказуемости в деле присуждения степеней. Абстрактность критериев, по поводу которых сокрушается А.Н. Якушев, позволяет, с одной стороны, превратить аттестационную практику в рутину и пропускать огромный поток диссертаций без учета их реальной научной значимости, с другой стороны, эта же абстрактность позволяет отказывать в присуждении научной степени по внеаучным причинам. Формальное изучение законодательной базы аттестационной практики, а именно этим отличаются А.Н. Якушев и его последователи, не дает возможности понять природу аттестационной системы¹³.

Лаута О.Н. Научная подготовка и аттестация кадров на историко-филологическом факультете Московского университета (начало XIX –XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Невинномысск, 2000.

¹² *Якушев А.Н.* Оценка результатов диссертаций на соискание учёных степеней в России как теоретико- и историко-правовая проблема [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexed.ru/pravo/notes/conf/?yakushev.html> (дата обращения: 06.09.2014).

¹³ Помимо исследовательской работы Якушев занимается публикацией источников. В 2006 г. вышел в свет подготовленный им двухтомник, содержащий нормативные акты, определяющие порядок присуждения ученых степеней в России (Присуждение ученых степеней в Российской империи 1724–1917): докум. изд. / сост. А.Н. Якушев. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2006; Присуждение ученых степеней в РСФСР и СССР: полное собрание нормативных правовых актов (1917–1961): [сборник] / сост. А.Н. Якушев. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2006). К сожалению, обилие опечаток, отсутствие корректного археографического описания, справочного аппарата и необходимых комментариев в значительной степени обесценивают это издание и заставляют специалиста обращаться к первым публикациям.

С аналогичных позиций написана монография В.Г. Выскуба. Автор, основываясь на официальных документах, приходит к выводу о поступательном развитии аттестационной системы в России. По его мнению, «главный принцип сложившейся системы – сочетание публичного, общественного характера защиты научно-квалификационной работы и принятия решения о присуждении ученой степени авторитетными представителями научного сообщества с последующей выдачей диплома государственным органом, ответственным за эту сферу деятельности»¹⁴. Подобный вывод полностью соответствует официальным источникам, но отнюдь не соответствует реальному положению вещей с аттестационной системой в СССР и постсоветской России. Ошибка ученого в данном случае весьма показательна. Он не учитывает прагматику используемых им источников, которые не только рассчитаны на моделирование действительности, но и в значительной мере носят имитационный характер, подменяя собой реальную ситуацию. Аттестационная практика в России развивалась не поступательно, как это представлено в нормативных актах, а путем сложных пересечений с государственной политикой, прежде всего, в области идеологии.

Именно этот аспект остается наименее разработанным. В итоге мы имеем созданную в исследованиях А.Н. Якушева и его последователей некую базу нормативных данных, касающихся присуждения степеней и званий в СССР, и большое количество оценочных суждений по поводу самой аттестационной практики, как в СССР, так и на постсоветском пространстве. Такое положение вещей не случайно. ВАК до сих пор является неотъемлемой частью научного обихода. Почти все современные исследователи, так или иначе, взаимодействовали с этой организацией. С одной стороны, это порождает иллюзию хорошего знания предмета, что позволяет его критиковать или, наоборот, поддерживать, а с другой стороны, постоянно растущее количество нормативных положений способствует появлению знатоков ваковского законодательства. Совершенно очевидно, что ни один из этих подходов по отдельности, ни оба они вместе взятые не могут заменить научное исследование проблемы.

¹⁴ *Выскуб В.Г.* Указ. соч. С. 215.

Источники

Прежде чем говорить о перспективах, открывающихся перед исследователем научной аттестации в СССР, необходимо остановиться на источниках. Их следует разделить на две большие группы: опубликованные и неопубликованные. Такое деление в данном случае имеет не формальный, а смысловой характер. Опубликованные официальные документы, отражающие деятельность ВАК, были рассчитаны на широкую научную общественность и должны были знакомить ее с изменениями, касающимися аттестационной практики. Регулярно деятельность ВАК освещалась в «Бюллетенях ВКВТО при ЦИК СССР» (Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию). В 1936 г. в связи с переподчинением ВАК Совету Народных Комиссаров СССР ее бюллетень стал выходить при этом органе. На страницах бюллетеня публиковались документы, исходящие от ВАК. Они были рассчитаны в первую очередь на советы, в которых защищались диссертации, и на соискателей ученых степеней. Деятельность ВАК, регулируемая вышестоящими организациями, отражалась во входящих документах, публикуемых организациями, от которых они исходили: Народным комиссариатом просвещения («Сборники приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР») и правительством СССР («Собрания законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР»).

Изучать аттестационную практику лишь по этим документам – это все равно, что изучать реальные права граждан СССР по его конституциям. Для создания картины, приближенной к действительности, необходимы архивные документы, содержащие в себе материалы, не предназначавшиеся для печати и отражавшие закулисную деятельность ВАК. К их числу, прежде всего, относятся протоколы и стенограммы заседаний ВАК, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)¹⁵. Материалы каждого заседания ВАК подшиты в плотную картонную обложку и представляют собой одну единицу хранения. На обложке указано название дела «Протокол и стенограмма заседания», штампы ГАРФ, в верхнем правом углу от руки: «Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР» «Высшая аттестационная комиссия (ВАК)», в нижнем правом углу: перечеркнутый штамп «ЦГАОР СССР Ф.9506. Оп. 1. Ед. хр. ...» (38–51 – соответствен-

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1.

но), количество листов, помета «Хранить постоянно». Протоколы и стенограммы напечатаны на машинке, иногда имеется рукописная правка. Нумерация печатная (к каждому разделу) и карандашом (сквозная). К делу прилагаются материалы, рассматривавшиеся на заседании: список дел, представленных к утверждению в ученое звание профессора, действительного члена института/доцента и ученой степени доктора (в нем для каждого из членов комиссии отдельный список на 2–3 листах, в верхнем правом углу подписаны фамилии от руки, с его пометами напротив каждого кандидата – «отклонить», «утвердить», «и.о.», «доп. отзыв», «отложить»), список дел, представленных к утверждению в ученое звание профессора и ученой степени доктора (на 2–3 листах, в списке 3 графы с ФИО кандидата, местом работы, специальностью); представления кандидатов на 1–3 листах: ФИО, партийность, возраст, институция, кафедра, практический, научно-исследовательский и педагогический стаж, список печатных работ, рекомендации, кто поддерживает; извещения членам комиссии о заседании; встречаются телеграммы, записки от руки и прочие мелкие заметки случайного характера.

Отдельно скажем о протоколе. На нем обязательно стоит его номер, название, дата, «Присутствовали Члены ВАК» (количество человек варьируется): «От ЦК Союза» (фамилия), «Председатель» (фамилия), «Секретарь» (фамилия). Структура протокола в разных случаях варьировалась, присутствовали следующие элементы:

Слушали: Об утверждении в ученой степени доктора

Постановили: – Утвердить в ученой степени доктора без публичной защиты диссертации...

Слушали: Об утверждении в ученом звании профессора, действительного члена научно-исследовательского института и доцента

Постановили: – Утвердить в ученом звании профессора ...

– Допустить к исполнению обязанностей профессора/доцента с обязательством представления к I/VII-1936г. специальной диссертации на ученую степень доктора/кандидата ...

– За отсутствием научных работ характера докторской/кандидатской диссертации, отклонить ходатайство об утверждении в ученом звании профессора/доцента следующих кандидатов ...

– Послать на дополнительный отзыв работы следующих кандидатов

...

– Запросить материалы об утверждении N в ученой степени доктора
Слушали: Ходатайство института N о предоставлении права организации защиты диссертаций на ученую степень доктора ...

Образованная в 1933 г. ВАК собиралась, как правило, еженедельно и рассматривала за одно заседание до 50 дел. Особый интерес представляют те стенограммы, в которых, кроме формального голосования, развертывались дискуссии, как по поводу конкретных лиц, так и по поводу критериев аттестации. В этом же фонде хранятся персональные дела соискателей научных степеней.

Кроме Ваковского фонда важен также и фонд Р-7668 (Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при президиуме Верховного Совета СССР [Ученый комитет]). На ранних этапах работы ВАК Ученый комитет пытался создать ей конкуренцию в деле присвоения ученых степеней и званий. История этой межведомственной борьбы отражена в деле № 854 «Проект постановления Совета Народных Комиссаров СССР “О присуждении ученых степеней и званий научным работникам”, протоколы заседаний комиссий по обсуждению проекта и переписка», в деле № 857 «Протоколы комиссии Ученого Комитета ЦИК СССР по рассмотрению проекта постановления СНК СССР “Об ученых степенях и званиях”», а также в деле № 2446 «Выписки из протоколов заседаний Квалификационной комиссии и переписка о присуждении ученых степеней и званий».

Значительно меньшую роль в данном случае играют источники личного происхождения: воспоминания и переписка. В советское время эти жанры были мало распространены, если не считать официальных, заказных воспоминаний, являющихся неотъемлемой частью советской идеологии, но такие мемуары писались, как правило, людьми, связанными с военной сферой, промышленностью, государственным аппаратом и редко учеными. Что касается частной переписки, то вопросы диссертационных защит в них нередко присутствуют, однако их обсуждение в большей степени характеризует научный быт, чем непосредственно аттестационную практику¹⁶. Так, например, в переписке Ю.М. Лотмана¹⁷

¹⁶ Наиболее ценными в этом отношении являются издания: *Азадовский М., Оксман Ю.* Переписка. М.: Новое лит. обозрение, 1998; *Кушева Е.Н., Романов Б.А.* Переписка 1940–1957. СПб.: Лики России, 2010.

¹⁷ *Лотман Ю.М.* Письма. 1940–1993. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

с Б.Ф. Егоровым¹⁸, Б.А. Успенским¹⁹, Ю.Г. Оксманом²⁰, В.В. Пугачевым²¹ и др. много говорится о конкретных защитах, подборе оппонентов, качестве диссертаций и т.д. К этой группе источников следует добавить воспоминания ученых, написанные уже в постсоветский период, где также нередко рассказывается история защит²². Источники этой группы фиксируют отдельные случаи, чаще всего это какие-нибудь эксцессы, связанные с защитой. Для уяснения рутинной стороны аттестационной практики они малоинформативны, так как относятся к исключениям, а не к правилам. Эти документы интересны для реконструкции массовых представлений ученых о непредсказуемости ваковских решений. Без этих представлений невозможно создать картину научной повседневности в СССР, являющейся одним из объектов современных культурологических штудий.

Постановка проблемы

Прежде всего, необходимо определить понятие диссертационного текста или, говоря иначе, смоделировать объект изучения. Конечно, речь должна идти не о тексте самой диссертации, а о некоем процессе её образования всё новыми и новыми элементами, без которых факт защиты и факт утверждения в степени соискателя не могут состояться. В ходе становления этого «диссертационного текста» удельный вес и, соответственно, ценность самого диссертационного исследования понижается по мере его восхождения от автора к ВАК. В результате на стол тех, от кого зависит судьба диссертанта, попадает не его собственный труд, а некий набор сопутствующих документов. Кроме того, не менее важен социаль-

¹⁸ Отдел редких книг и рукописей библиотеки Тартуского университета. Ф. 135. Д. Аа 1–2; Д. Вj 474–481; *Лотман Ю.М., Мицц З.Г., Егоров Б.Ф.* Переписка. 1954–1965. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2012.

¹⁹ Отдел редких книг и рукописей библиотеки Тартуского университета Ф.135. Д. Аа7–8; *Лотман Ю., Успенский Б.* Переписка. 1964–1993. М.: Новое лит. обозрение, 2008.

²⁰ Отдел редких книг и рукописей библиотеки Тартуского университета Ф.135. Д. Аа3; Во 1031; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 639.

²¹ Отдел редких книг и рукописей библиотеки Тартуского университета. Ф. 135. Д. Вр 1171–1172.

²² *Баевский В.С.* Роман одной жизни. СПб.: Нестор, 2007. С. 142–145.

ный контекст, позволяющий выявить прагматику диссертационных исследований²³. Наиболее интересно этот аспект представлен в недавней работе Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной. Исследовательницы вполне справедливо поставили ряд вопросов: «Была ли процедура защиты диссертаций в первой половине XIX в. формой научной экспертизы или это был исключительно механизм построения иерархий и просветительское действо? И если “да”, то мы бы хотели понять, как происходил переход соискательства степени в исследовательский режим. Лишь после этого можно было бы утвердительно ответить и на более глобальный вопрос: превратилась ли в условиях России первой половины XIX столетия идея исследовательского университета в реальный исследовательский университет или его наличие есть только ретроспективное желание историков?»²⁴

Еще более правомерной была бы постановка этих же вопросов в отношении советских вузов. Представление о том, что диссертации являются одной из важнейших форм вузовской науки, считается вполне очевидным только потому, что до сих пор оно не было должным образом верифицировано. Между тем сам массовый характер защит на фоне сравнительно незначительного количества исследований, открывающих новые перспективы научного познания, скорее опровергает, чем подтверждает это положение. Диссертация как жанр была в СССР, и остается в современной России, в значительной меньшей степени связанной с творческим процессом, чем, например, монография или научная статья. Она всегда была либо оформлением уже имеющихся научных достижений в текст, отвечающий требованиям ВАК, либо специально создаваемым текстом, необходимость которого диктовалось не стремлением автора познакомить научное сообщество с результатами своего труда, а его желанием подняться на новую ступень служебной лестницы. Нередко под видом научных школ, как это видно в случае А.Н. Якушева, запускался конвейер по производству однотипных диссертаций. Так, например, С. Миронин делает характерное признание: «Я хорошо помню, как мы

²³ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 4–5; *Он же*. Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: Новое лит. обозрение 2008. С. 617.

²⁴ Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v-pr.html> (дата обращения: 06.09.2014).

работали в погоне за степенями и званиями. Для доктора наук целью становилась подготовка как можно большего числа кандидатов наук. Это давало надежду получить звание академика в какой-нибудь из академий. Ни о каком сближении науки с практикой речи не шло. Существенная часть научной работы вузов и многих НИИ оказывалась обыкновенной мистификацией. И ничего другого ожидать не приходилось. Ведь ученые получали зарплату не за выполнение конкретных исследований, а за техническое преодоление препятствий на пути к ученым званиям и степеням. Фильтров против научного шума не было. Поскольку при защите не было двух неизвестных рецензентов. Таким образом, СССР стал попадать в диссертационную ловушку»²⁵.

Ответ на вопрос, почему именно такая практика сложилась в СССР и продолжает существовать в современной России, следует искать в первую очередь в самой системе ВАК, но не в той ее части, которая рассчитана на соискателя, а в той, которая составляет рутинную сторону ее повседневной работы.

Активно обсуждаемая в Интернете проблема катастрофического падения уровня диссертаций, девальвации научных степеней и званий и т.д.²⁶ корнями уходит в советский период и имеет непосредственное отношение к созданию и деятельности ВАК на всём протяжении её существования. Поэтому неправомерным представляется утверждение одного из участников полемики вокруг степеней и званий, что постановление Совнаркома от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» «по сути, означало возврат к царской системе аттестации научно-педагогических кадров»²⁷. Даже если не обращать внимание на формальное несоответствие (вместо пары «магистр – доктор» была введена пара «кандидат – доктор»), то само наличие ВАК – учреждения, не имеющего аналога в дореволюционной России, – кардинальным образом меняло ситуацию. Центр присуждения степени перемещался из пространства, где осуществлялась публичная процедура защиты, в пространство, закрытое для не-

²⁵ *Миронин С.* Два способа развития науки и история диссертационного дела [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/naukoved/mironin.htm> (дата обращения: 06.09.2014).

²⁶ *Балацкий Е.В.* Диссертационная ловушка [Электронный ресурс]. URL: http://www.biometrica.tomsk.ru/disser_trap.htm (дата обращения: 06.09.2014).

²⁷ *Миронин С.* Два способа развития науки и история диссертационного дела [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/naukoved/mironin.htm> (дата обращения: 06.09.2014).

посредственных участников научного действия. Только сейчас, читая протоколы и стенограммы ВАК, мы можем судить, от каких порой случайных моментов зависело присуждение или не присуждение искомой степени. Между тем именно на этой решающей фазе значительно падала роль самого научного исследования и резко возрастала роль формальных моментов. Поэтому не стоит удивляться тому, что сопутствующие элементы диссертационной защиты всегда превалировали над непосредственно научными. Соответственно, и решение научной проблемы отходило на задний план, уступая место стремлению соответствовать постоянно меняющимся требованиям ВАК. Таким образом, не ученое сообщество, а ВАК становилась главной фигурой на диссертационном поле.

Как и для чего появилась ВАК?

Борьба с учеными шла параллельно с кампанией, пропагандирующей значение науки в жизни СССР. Одним из важнейших пропагандистских ходов было широко декларируемое стремление вернуть науку в высшие учебные заведения и стимулировать преподавателей проводить научные исследования. Правда, сами эти исследования должны были не только полностью контролироваться властью, но и выполняться по ее приказам. Государство становилось, таким образом, главным, если не единственным заказчиком научных разработок. Соответственно, только оно определяло официальный статус ученого в обществе и его место в науке.

В этой связи параллельно с репрессиями формировался механизм стимулирования научной деятельности. Создание ВАК в 1933 г. и введение ученых степеней и званий в 1934 г. были призваны повысить престиж науки в государстве, а повышение и фиксация окладов должны были остановить кадровую текучку и уменьшить количество совместителей в вузах. Учреждение ВАК именно при ВКВТО легко объяснимо. Наука в то время ассоциировалась в первую очередь с техникой. «Наука и техника» – долгие годы было устойчивым и широко распространенным словосочетанием. Соответственно, в первые годы работы ВАК степени присуждались в основном по техническим дисциплинам, нередко их получали производственники, не связанные напрямую с наукой. Значительно реже присуждались степени по гуманитарным наукам. Такая ситуация зеркально отражала дореволюционную аттестационную практику, когда

ученые степени присуждались прежде всего по гуманитарным дисциплинам.

Теперь всё стало наоборот: техника стала едва ли не синонимом науки вообще, а гуманитарные дисциплины стали пониматься как часть идеологической надстройки. Хотя никаких запретов на присуждение ученых степеней в этой сфере не существовало, сам факт образования ВАК при ВКВТО естественным образом обеспечивал аттестационную приоритетность для «технарей». Идея ВАК родилась в значительной степени случайно, и, видимо, первоначально она не мыслилась как постоянно действующий орган. Сам порядок аттестации, сложившийся в начале 1930-х годов, подсказал такое решение. Тогда в звании профессора утверждали квалификационные комиссии наркоматов, потом от них дела поступали на утверждение в ВКВТО, где они подолгу лежали без движения, так как внутри самого Комитета не было структуры, специально занимающейся рассмотрением аттестационных дел. Количество неутвержденных профессоров стремительно росло, и нужно было навести в этой области элементарный порядок. Одновременно нужно было провести и квалификационную дифференциацию для стимулирования научного и профессионального роста кадров. Для этого и была создана внутри ВКВТО специальная комиссия, получившая название Высшей Аттестационной. Первым председателем ВАК стал сам председатель ВКВТО – старый большевик из ближайшего ленинского окружения, известный энергетик Глеб Максимилианович Кржижановский. Ему же было поручено разработать проект указа о присуждении ученых степеней и званий. С самого начала Кржижановский поставил дело так, что вверенная ему комиссия не должна была ограничиваться техническими моментами. Она должна была в первую очередь создать механизм научной аттестации, привести его к единообразию и только после этого уже решать вопросы по существу. Однако на практике наркоматы еще сохраняли за собой право на присуждение ученых степеней и званий. Кроме того, этим же правом пользовались Академия наук, Коммунистическая академия, Всесоюзная академия сельского хозяйства им. Ленина (ВАСХНИЛ), Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). Но среди этих учреждений не было такой ключевой для советской науки и образования организации, как Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР (Ученый комитет). Такое упущение не могло быть случайным.

ВАК и Ученый комитет

Как только проект указа о присуждении ученых степеней и званий поступил в ведомственные учреждения для обсуждения, против него, как и следовало ожидать, выступил Ученый комитет. Собравшиеся на заседание 8 апреля 1933 г. члены Ученого комитета под председательством Ю.М. Стеклова признали проект, предложенный ВКВТО, «недостаточно разработанным, неполным, исходящим из неверных установок» и приняли решение «просить СНК СССР ввиду важности вопроса подвергнуть его предварительному обсуждению в специальной комиссии или специальном совещании с участием всех заинтересованных ведомств и в частности Ученого Комитета ЦИК Союза ССР, Академии НАУК СССР и Комакадемии»²⁸. На том же заседании был принят альтернативный проект «Об ученых степенях и званиях». В отличие от проекта ВКВТО, предусматривавшего две научные степени – доктора и кандидата, проект Ученого комитета предлагал ввести только одну научную степень – доктора, но при этом сохранить три звания – профессора, доцента, ассистента. О том, как будет соотноситься единственная ученая степень с тремя научными званиями, не говорилось. Зато четко были названы органы, имеющие право присуждения ученой степени: ВКВТО (в его компетенцию входили аттестационные комиссии наркоматов, кроме Наркомпроса), Ученый комитет с подведомственными ему учеными и учебными заведениями и Наркомпрос, присуждающий степень всем, не подпадающим под юрисдикцию двух первых органов.

Члены Ученого комитета прекрасно понимали, что исключение их ведомства из числа организаций, имеющих право научной аттестации, значительно понижало его статус в бюрократическом аппарате СССР и фактически лишало самостоятельного значения. Поэтому Ю.М. Стеклов, исполнявший в то время обязанности председателя Комитета, настойчиво пытался отстоять позиции своего учреждения. «Новый проект, – писал он в ЦИК 26 ноября 1933 г., – совершенно исключает Ученый Комитет из числа ведомств, при которых создаются высшие аттестационные комиссии, причем, в отличие от других ученых и учебных заведений, для которых в проекте проводится принцип централизации, для учреждений, подведомственных Ученому Комитету, устанавливается принцип децентрализации, резко противоречащий всему духу проекта, так что в отно-

²⁸ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 887. Л. 10.

шении Академии Наук Союза ССР, Комакадемии и т.д. ученые степени присваиваются решениями президиумов этих учреждений. Вдобавок совершенно забыты другие важные учреждения, подведомственные Ученому Комитету, как то Институты Красной Профессуры, Институты Марксизма-Ленинизма, Музей Революции, Институты Востоковедения и ряд других научных учреждений»²⁹.

Понимая, что разработанный Ученым комитетом альтернативный проект не проходит, Стеклов предложил создать «единую высшую аттестационную комиссию с включением в ее состав представителей всех НКПровсов, НКЗдравов, Академий, Комитета по высшему техническому образованию, Ученого Комитета и некоторых крупнейших аналогичных учреждений»³⁰. Но и это предложение было отвергнуто. 14 января 1934 г. было опубликовано постановление СНК от 13 января «Об ученых степенях и званиях», в котором Ученый комитет вообще не упоминался. В тот же день Стеклов обратился с письмом в консультационный отдел ЦИК, в котором еще раз повторил свои аргументы против данного постановления и снова предложил уравнивать Ученый комитет и ВКВТО в аттестационных правах. 17 января еще одно письмо аналогичного содержания было отправлено в секретариат ЦИК. Но все это результатов не принесло. 10 июня 1934 г. ВКВТО издал специальную «Инструкцию по применению Постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. об ученых степенях и званиях», в которой право присуждения степеней и званий предоставлялось следующим организациям: Высшей аттестационной комиссии, квалификационным комиссиям наркомпросов союзных республик, квалификационным комиссиям наркомздравов союзных республик (включая совет ВИЭМ), президиумам Академии наук СССР, президиумам академий союзных республик, президиуму Коммунистической академии, президиуму Академии сельскохозяйственных наук. Всего научные степени и звания могли присуждать более 50 организаций, из них 25 имели право присуждения докторской степени и звания профессора.

Столкновение ВКВТО и Ученого комитета – это не просто межведомственная борьба, иначе трудно объяснить упорное нежелание разработчиков проекта включать Ученый комитет в число организаций, имеющих право присуждения ученых степеней и званий. В данном случае это противостояние имело политический подтекст. Во главе Ученого комитета

²⁹ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 854. Л. 44.

³⁰ Там же. Л. 44об.

стоял А.В. Луначарский, снятый в 1929 г. с должности наркома просвещения. В это время Сталин уже приступил к ликвидации «ленинской гвардии», но еще предпочитал делать это руками старых большевиков. До революции и в первые послереволюционные годы Луначарский был близок к Ленину и Троцкому. Позже он, правда, переметнулся на сторону Сталина, но ему это не помогло. Сталин, по воспоминаниям Троцкого, не мог простить Луначарскому написанную им и изданную в 1923 г. книжку «Силуэты», в которой речь шла о вождях революции, а имя Сталина ни разу не упоминалось. Зато Троцкому было отведено то место, которое тот реально занимал в истории Октябрьского переворота: «Более же всего сливаются со своими ролями именно два сильнейших среди сильных – Ленин и Троцкий»³¹. Уже на следующий год, когда началась вакханалия вокруг книги Троцкого «Уроки Октября»³², «Силуэты» Луначарского «были изъяты из оборота, и сам Луначарский почувствовал себя полуопальным». «Но и тут, – продолжает Троцкий, – его не покинула его счастливая черта: покладистость. Он очень скоро примирился с переворотом в руководящем личном составе, во всяком случае, полностью подчинился новым хозяевам положения»³³. Но Сталин был не из тех, кто мог прощать или умел забывать обиды. Время для сведения счетов с Луначарским еще не наступило. Все силы были брошены на борьбу против Троцкого. В 1929 г. он был изгнан из СССР, и в том же году Луначарский был снят с поста наркома. Вскоре началась его травля в печати. «В газете “Советское искусство” (1931 г.) была начата проработка Луначарского, “у которого неверная, немарксистская и неленинская система взглядов на литературу и искусство”»³⁴.

В связи с образованием ВАК и введением ученых степеней и званий у Сталина появилась возможность столкнуть лбами двух старых большевиков-ленинцев: Луначарского и Кржижановского. Точнее даже не двух, а трех: третьим стал заместитель Луначарского по Ученому комитету Ю.М. Стеклов (до 1917 г. О.М. Нахамкес), который, собственно говоря, и отстаивал интересы своего ведомства. Луначарский формально

³¹ Луначарский А. Лев Давидович Троцкий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/politica/lunachar/lunaa014.htm> (дата обращения: 06.09.2014).

³² Подробнее см.: Парсамов Ю.В. За кулисами журнальной полемики вокруг «Конармии» Бабеля // Россия XXI. 2011. № 1. С.158–162.

³³ Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 370.

³⁴ Боров Ю. Луначарский. М.: Мол. гвардия, 2010.

держался в тени, но чувствовал как почва уходит у него из-под ног. Не случайно на первом заседании ВАК свою программную речь Кржижановский начал с того, что «мы имеем, можно сказать, большую власть. И еще нужно подчеркнуть, что с большим напряжением ожидают действий этой власти»³⁵. Эти слова недвусмысленно свидетельствуют, что спор с ведомством Луначарского за право аттестации имел характер, во всяком случае для Кржижановского, борьбы за власть. Старый большевик тут случайно проговорился, поэтому из окончательного варианта стенограммы это место было вычищено³⁶. Тем не менее слова о власти хорошо показывают стремление первого председателя ВАК видеть в подведомственной ему комиссии не просто аттестационную машину, но и механизм управления. Задачу ВАК Кржижановский понимал не как разработку формально-бюрократической процедуры научной аттестации, хотя это тоже входило в круг его обязанностей, а скорее – как проведение самостоятельной кадровой политики в области высшего образования. «Эта огромная и чрезвычайно ответственная работа, – говорил он, – потому что здесь все-таки нужно исходить прежде всего из того положения, что ученые заведения создаются не бумажками, не стенами учебных заведений, а больше всего живой активной силой и если мы срейфим в смысле подбора этой силы то ничего не поможет. Что у нас огромные прорывы есть в этом отношении – нет никаких сомнений, следовательно, задача Аттестационной Комиссии – не только проходить тот материал, который к нам аппаратным путем будет поступать, но еще поразмыслить на тот счет, как вообще это дело поставить и какой порядок работ принять»³⁷.

Аттестационная практика

Первоначально работа ВАК мыслилась как состязательный процесс между реальными людьми, т.е. тем, кто ходатайствовал о присуждении степени или звания, и специалистом в данной области. Однако все нарастающее количество дел само по себе толкало членов ВАК к бюрократизации процесса. Приглашение соискателей на заседания ВАК получи-

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9509. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Там же. Л. 12.

ло характер исключений. Правилom стало заочное рассмотрение присылаемых документов: краткой автобиографии, включающей в себя обязательное указание на возраст, партийность, пребывание за границей, стаж (рабочий, педагогический, научный), и списка трудов.

Сама аттестация проходила в три этапа. Сначала труды соискателя оценивали референты, т.е. ученые, работающие в той же области, что и сам соискатель. Затем бумаги поступали к экспертам ВАК, и уже на последнем этапе они рассматривались на заседании Комиссии. Критерии аттестации были довольно сложными и никогда не артикулировались в полном объеме, что вполне объяснимо. С одной стороны, ВАК должна была руководствоваться положениями, сформулированными в постановлении «Об ученых степенях и званиях», но, с другой стороны, этими положениями руководствоваться было *практически* невозможно из-за обтекаемости сформулированных в них критериев³⁸. Поэтому неизбежно приходилось на ходу изобретать свои критерии. При этом речь шла не только непосредственно об аттестации соискателей степеней и званий, но и о пересмотре принятых ранее решений, а также о праве втузов присуждать степени.

В большинстве случаев решения принимались единогласно и не вызвали споров. Секретарь предоставлял сведения о кандидате или учреждении, кто-нибудь из членов комиссии задавал пару уточняющих вопросов или подавал короткие реплики. Далее зачитывались дополнительные отзывы. Могли быть затребованы и дополнительные материалы. Иногда среди участников вспыхивала полемика разного объема и различной степени напряженности. Относительно этой полемики сразу необходимо сделать оговорку. По содержанию аргументов видно, что практически с каждым соискателем, за редким исключением, кто-то из членов комиссии был лично знаком, поэтому решения принимались не только на основании поданных документов, но и исходя из субъективного представления о квалификации.

³⁸ О докторской диссертации там было сказано, что она «должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес», а о кандидатской, что она должна «обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельному научному исследованию» (Собрание законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. № 3. С. 30).

Предметом дискуссий нередко был возраст соискателя. Особое внимание привлекали как слишком молодые, так и пожилые. Относительно первых возникали сомнения в профессиональной зрелости, на вторых часто смотрели как на пережиток царизма, что порождало идеологическое недоверие, особенно если основные работы соискателя были опубликованы до 1917 г. Напряженными и продолжительными были обсуждения того, как отметить человека, имеющего определенные производственные заслуги, но низкие научные показатели, не отвечающие характеру докторской диссертации. Одни предлагали даже в таком случае присуждать докторскую степень, другие высказывались за присуждение звания заслуженного деятеля в соответствующей области.

Вопросы нередко вызывало и то, насколько соответствуют представленные соискателями работы той специальности, по которой присуждается степень. Обсуждались и опасения по поводу разрешения институту допускать соискателей к защите диссертаций: «Мы должны убедиться, что он как кандидат имеет достаточно широкое образование для того, чтобы допустить его к защите. И вот есть опасение, что так как это узкая специализация, то этот институт подойдет слишком узко к допущению»³⁹. «Вопрос очень серьезный – насчет того насколько научно-исследовательские институты должны заниматься тем, чтобы там принимать диссертации докторские или кандидатские»⁴⁰. «Они хотят у себя давать ученую степень наряду с ВАК'ом, по согласованию с ВАК'ом. При всем значении кинопромышленности, она является все-таки одной небольшой отраслью, и если мы дадим одной небольшой отрасли утверждать ученые степени, то это создаст опасность совершенно другого подхода, чем тот который имеется у нас и там будет очень узкая база тех лиц, которые подвергаются этому утверждению <...> тут может быть поставлен вопрос – какие звания присуждать таким деятелям искусства прикладного характера и т.п., которые по своему характеру не могут быть связаны с присуждением ученой степени доктора»⁴¹.

Особенно дискутировались вопросы о содержании специальности или научности некоторых дисциплин, свидетельствующих о большом практическом опыте в этой области, например, кинопромышленность, организация строительных работ и т.д. Подвергалась сомнению и специаль-

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 39. Л. 18–19.

⁴⁰ Там же. Д. 41. Л. 8.

⁴¹ Там же. Л. 10–11.

ность соискателя относительно того, возможно ли в ней сделать открытия и продвинуться: «Я не настаиваю в отношении данного кандидата, но я возражаю принципиально против того, чем аргументировал т. Бутягин. Если выйдет так, что в какой-то специальности дальше не пойдешь т.е. не нужно научное творчество, то из этого не следует, что если не будет профессоров, то разбегутся люди. Так мотивировать нельзя. Если есть специальность, по которой не нужно научное творчество, то не нужно профессоров и можно ограничиться учителями»⁴². Прения вызывало и то, как соотносится работа кандидата с работами других ученых в этой области – соответствует ли она общему уровню, выше, или ниже – в соответствии с этим, исходя из уровня работы конкретного кандидата и уровня работы его коллег в этой области. Специальная комиссия создавалась для изучения спорной ситуации по обвинению в плагиате. Этот вопрос всегда обсуждался с особым вниманием.

Особенно колоритным в этом отношении представляется дело А.Я. Слуцкого. Этот соискатель профессорского звания преподавал в Одесском водном институте техническую механику. Его организация направила документы в квалификационную комиссию народного комиссариата тяжелой промышленности, которая при рассмотрении дела обнаружила плагиат. Слуцкому было отказано в присуждении степени, а его дело передано в ВАК «для окончательного решения»⁴³. Пока дело Слуцкого рассматривалось в Москве, его самого уволили с работы «за систематические прогулы и другие нарушения»⁴⁴, и одесский институт затребовал дело своего бывшего преподавателя обратно. Однако ВАК вернуть дело отказалась и решила его рассмотреть по существу, тем более что Слуцкий к тому времени успел уже переехать в Москву, устроился на работу в Институт связи и продолжил добиваться профессорского звания. «Трудь», который Слуцкий предоставил на рассмотрение ВАК, были опубликованы в журнале «Вестник инженеров и техников» и сразу привлекли к себе внимание содержащимся в них плагиатом. Одесский профессор В.А. Добровольский, возможно, бывший сослуживец Слуцкого, написал по этому поводу письмо в газету «Техника», но редколлегия не сочла нужным предать его гласности. Со своей стороны Слуцкий проявил активность и добился приема у Кржижановского, которому «пред-

⁴² Там же. Л. 12.

⁴³ Там же. Д. 29. Л. 36.

⁴⁴ Там же. Л. 36.

ставил следующие документы: во-первых, выписку из энциклопедии “Право”, что такое плагиат и второе, что он предъявил в свою защиту, – он предложил предоставить ему слово для того, чтобы он сам разъяснил ошибки самого проф. Левинсона, которые, как он считает, он исправил. Он говорит, что он не просто списал, а он изъясил целый ряд ошибок, которые есть у проф. Левинсона и поэтому просил, чтобы ему предоставили слово здесь, и он докажет, что проф. Левинсон наделал много грубейших ошибок, которые обесценивают его курс, а он из его курса использовал только то, что является доброкачественным. Кроме того, он сообщил, что был уволен из Института Водного транспорта в Одессе вследствие организованной против него травли, и так называемые “прогулы”, за которые его формально уволили, заключаются в том, что он уезжал в Москву для выяснения этого дела»⁴⁵. Сам Слуцкий настаивал на том, что он не переписывал, а «вентилировал» других авторов. Идея «вентиляции» не вдохновила членов ВАК, и они единогласно отказали Слуцкому в профессорском звании, но разошлись в плане общественной оценки. Кржижановский сформулировал это таким образом: «Если бы мы ему не дали звание профессора только потому, что у него слабые или компилятивные работы – это было бы одно, но если мы ему откажем в звании как лицу, уличенному в плагиате, здесь нужно сделать какие-то дальнейшие выводы в отношении возможности его дальнейшей преподавательской деятельности»⁴⁶. Кржижановский, с одной стороны, не хотел замалчивать этого «склочного дела», а с другой стороны, не хотел, чтобы этим занималась непосредственно ВАК. Поэтому он предложил передать всё это в Центральное бюро секции научных работников (ЦБСНР). Против высказался профессор А.С. Бутягин: «Целиком переваливать это на плечи Ц.Б.С.Н.Р. было бы неправильно». Он потребовал, чтобы сама ВАК настояла на том, чтобы плагиат Слуцкого был предан гласности: «Я думаю, что те материалы, которые в свое время были задержаны, нужно опубликовать. Дело это чрезвычайно затянулось, потому что мы имеем дело с очень ловким человеком. Он все время подготовлял себе почву для бесконечных дискуссий. Я считаю, что нужно опубликовать и ту записку, которая была по этому делу в Редакцию и которая была задержана, и те материалы, которые теперь имеются в том виде, в каком они есть,

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 39. Л. 39–40.

⁴⁶ Там же. Л. 40.

в соответствующем органе. Ведь тут затронуты нравы не только в области педагогического мира, но и в области литературного мира»⁴⁷.

Профессор Б.Г. Галеркин, развивая тему плагиата и отметив, «что не только крадут из заграничных источников, но и за граница крадет у нас», усомнился в том, что «ВАК и Комитет может <sic!> здесь принять меры. Все-таки нужны меры общественного воздействия. Борьба тут крайне тяжелая»⁴⁸. Против любых попыток предать гласности этот случай выступил профессор А.М. Беркенгейм. По его мнению, «ВАК не должен заниматься такими делами. Мы считаем, что научных трудов у этого гражданина недостаточно, они неудовлетворительны, и мы ему отказываем в его претензии. И это все, что мы имеем право делать. А что касается стирки грязного белья, осуждений и тому подобного – это во всяком случае не наше дело. Есть другие организации, до сведения которых это дошло и которые этим делом займутся. А мы спокойно, величаво отказываем»⁴⁹.

Итак, мы видим широкий разброс мнений. Если одни настаивают на огласке дела и публичном осуждении плагиатора, то другие считают, что ВАК должна заниматься исключительно аттестационными делами и отказать Слуцкому не потому, что в его работах обнаружен плагиат, а на основании того, что они не соответствуют квалификации профессора. Кржижановский, выдвинув именно такую формулировку, в то же время счел нужным от имени ВАК обратиться в ЦБСНР, чтобы оно «разобралось в этом деле по существу и сделало в Комиссию ВАК сообщение»⁵⁰.

Таким образом, история Слуцкого получила продолжение и закончилась в ЦБНР, о чем научная общественность была проинформирована журналом «Фронт науки и техники». В заключении ЦБНР говорилось: «Комиссия признала, что такая “литературная” деятельность А.Я. Слуцкого дискредитирует советскую науку и в СССР, и за границей и дезориентирует советских специалистов по научно-техническим вопросам. ЦБСНР постановило исключить А.Я. Слуцкого из Секции научных работников»⁵¹.

⁴⁷ Там же. Л. 42.

⁴⁸ Там же. Л. 43.

⁴⁹ Там же. Л. 45.

⁵⁰ Там же. Л. 48.

⁵¹ Фронт науки и техники. 1935. № 2. С. 144.

Часто возникали разногласия относительно того, утвердить ли соискателя «профессором» или же «и.о. профессора» с обязательством защитить диссертацию. Пункты обсуждений состояли в следующем: роль его работ в развитии дисциплины, возраст, превалирование педагогического и практического опыта над академическим и исследовательским, характер и авторство отзывов. В этом отношении иногда делали акцент на том, что существуют дисциплины, для которых важен, прежде всего, практический стаж, чтобы соискатель мог передать студентам свой практический опыт и технологические знания. Здесь возникал вопрос соотношения практического стажа, педагогической работы и академической квалификации: «Чем больше у него практический стаж, тем лучший из него вырастет педагог... Мы определили звание профессора двумя признаками: первое – что он практически ведет педагогическую работу – второй – по степени своей квалификации он имеет степень доктора»⁵². «Когда мы утверждаем просто инженера без всяких теоретических работ, то мы исходим из того, что он талантлив. Здесь нет указаний на его талантливость»⁵³. «Меня бы не смущало то, что он не окончил вуза, если бы он был талантлив, а для среднего человека высшее образование необходимо»⁵⁴.

Часто требовалось оговаривать мотивацию отклонения заявления кандидата, например: «Он читает незначительный курс и не по прямой специальности»⁵⁵.

Бывали случаи, когда решающую роль в присуждении степени играла рекомендация авторитетного в глазах комиссии лица. Так, например, без всяких прений был утвержден соискатель, о котором ходатайствовал академик Н.Д. Зелинский: «Я хлопочу о профессоре 1 Московского Университета И.А. Куликове, который еще в 1911 г. окончил Университет и оставлен был при Университете <...> и затем продолжал непрерывно в течение всего времени быть деятельным работником в научно-исследовательской области. <...> Этот человек достоин того, чтобы ему присудили степень доктора химических наук. Он сейчас тяжело болен, и это побуждает меня спешить. Если бы он поднялся, то мы впоследствии дали бы ему академика. Но тут обстоятельства так сложились, что требуется внимание сейчас»⁵⁶. Однажды комиссия столкнулась с ситуацией, когда все работы одного из соискателей были предоставлены на грузин-

⁵² ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 42. Л. 9.

⁵³ Там же. Д. 44. Л. 8.

⁵⁴ Там же. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Л. 10.

⁵⁶ Там же. Д. 39. Л. 8.

ском языке. Сразу же вспомнили о многонациональном характере советской науки и было предложено «поставить вопрос о том, чтобы были такие комиссии на местах в главнейших центрах»⁵⁷. Однако дело ограничилось тем, что поручили «ВАКу организовать консультацию из лиц, знающих грузинский язык»⁵⁸.

Особенно выделяется протокол и стенограмма заседания в деле № 48⁵⁹, где представлен отчетный доклад о работе ВАК в 1933–1934 гг. На предшествующем ему заседании 5 апреля 1935 г. были подняты вопросы об окончании сроков принятия решений по всем поданным представлениям в ноябре 1933 г. и, в связи с этим, при необходимости принятия мер по ускорению работы принято решение на следующем заседании послушать и обсудить подготовленный С.Б. Волынским отчетный доклад об итогах работы ВАК. На заседании, посвященном отчетному докладу, было принято решение о сокращении срока прохождения дел до трех месяцев, о проведении заседаний не менее чем раз в месяц, о первоочередном обсуждении дел по утверждению в ученых званиях, далее, о разработке и внесении в Президиум ВКВТО инструкции о кандидатских испытаниях, о порядке защиты диссертаций и требованиях к ним, об оплате расходов по защите диссертаций, и о не подлежащем опубликованию в печати постановлении повысить требования к соискателям ученой степени доктора без защиты диссертации.

В этом же отчете содержится ряд важных сведений о количественных и качественных показателях работы ВАК: «Мы начали работу в октябре 1933 года, хотя самый закон об ученых степенях и званиях был утвержден в январе 1934 г., а самый состав ВАКа в Президиуме ЦИКа утвержден 17 апреля 1934 года. <...> В функции ВАК входит утверждение в ученых званиях профессора, действительного члена лиц, работающих в вузах и научно-исследовательских институтах всех наркоматов и ведомств, входящих в систему ВКВТО и утверждение в ученых степенях – профессора и доцента, кроме специальных военных дисциплин в военных академиях и, кроме того, утверждение в ученых званиях лиц, работающих в сельскохозяйственных школах. <...> Вторая обязанность – руководство и контроль над деятельностью квалификационных комиссий наркоматов. Третья – утверждение в ученой степени доктора и четвертая – рассмотрение и опубликование списка тех точек, где может производиться защита диссертаций. В самом составе нашей комиссии работает всего 33 чело-

⁵⁷ Там же. Л. 15.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Д. 48. Л. 73.

века, из которых систематическое участие в работе комиссии принимает 21 человек, спорадически участвуют в работе комиссии 12 человек»⁶⁰. Из 1843 поступивших за все время работы ВАК кандидатур на утверждение в ученое звание профессоров и действительного члена к 15 марта 1934 г. было рассмотрено 892 дела, около 1000 дел еще предстояло рассмотреть, и именно в связи с этим было принято решение о сокращении срока прохождения одного дела и об увеличении количества заседаний в месяц. При обсуждении вопроса о неравноценном распределении квалифицированных профессоров между центрами (Москвой и Ленинградом) и регионами, в частности, высказывались предложения о введении некоторого равнозначного распределения квалифицированных кадров. Оно, однако, звучало несколько туманно и не было внесено в протокол.

Другая важная вынесенная на обсуждение проблема – состояние всей системы утверждения степеней и званий: «<...> Если бы учесть все громадные неудобства и затруднения, которые создаются фактом существования многих различных органов, занимающихся этим делом, целесообразно было бы поставить вопрос о едином государственном квалификационном органе, который будет утверждать высшую ученую квалификацию»⁶¹. «Мы чрезвычайно остро чувствуем отсутствие единого учета научно-педагогических работников...»⁶². При этом, по мнению Волынского, ВАК сделала шаг вперед к централизации данных и унификации критериев оценки: «В результате работы ВАК и некоторых других комиссий мы имеем превосходный материал, который позволяет не только ставить количественный учет, но и качественный учет, что представляет громадные трудности <...>. Громадное преимущество, которое мы получили, – это единая линия, единая методика, единый критерий в работе»⁶³.

Психология осажденной крепости

Тенденция к унификации критериев естественным образом предполагала вытеснение с аттестационного поля всех квалификационных ко-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 48. Л. 3–4.

⁶¹ Там же. Л. 23.

⁶² Там же. Л. 25.

⁶³ Там же. Л. 26.

миссий кроме ВАК. В специальном постановлении ВАК от 11 января 1936 г. отмечались многочисленные недостатки в работе квалификационных комиссий, подведомственных наркоматам. Их обвиняли в том, что решения о присуждении степени часто выносились не на основе трудов соискателя, а лишь по отзывам с мест работы, труды не посылались на дополнительное рецензирование, а «сами рецензии носили нередко настолько общий характер, что решения на основании их выносить было нельзя», члены квалификационных комиссий порой впервые знакомились с трудами претендентов непосредственно на заседаниях, где рассматривались дела и т.д. Особо отмечалось недостаточное внимание со стороны комиссий к общественно-политическому лицу претендента, а то и хуже – «были случаи утверждения лиц, имеющих отрицательные данные в своём прошлом, при отсутствии политической оценки этих лиц со стороны общественных организаций» и т.д.⁶⁴

Весной 1936 г. был ликвидирован ВКВТО и вместо него создан Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ), председателем которого стал И.И. Межлаук, а Кржижановский фактически был отстранен от дел образования. ВАК в обновленном составе под председательством Межлаука вошла в ведомство вновь образованного комитета. В своей программной речи на объединенном заседании ВАК и членов экспертных комиссий 2 декабря 1936 г. Межлаук обозначил новые ориентиры в работе Комиссии.

Его речь хорошо отразила свойственную большевистскому правительству практику двойных стандартов. К 1936 г., когда уже почти полностью была разгромлена Российская Академия наук и истреблены многие крупные ученые, Сталин поставил вопрос о повышении роли науки в обществе и образовании. Решение этой задачи должен был обеспечить вновь учрежденный ВКВШ. Межлаук совершенно справедливо говорил о том, что вузовская кафедра должна стать тем местом, в котором органично соединятся научная деятельность и учебный процесс. Профессором кафедры может быть только «подлинный исследователь, потому что иначе он не может учить студентов, нельзя воспитывать из студентов будущих ученых, если ты сам не ведешь эту работу»⁶⁵. Однако истинный смысл выступления Межлаука был не в этом демагогическом заявлении,

⁶⁴ О работе квалификационных комиссий наркоматов и ведомств: Постановление ВАК ВКВТО от 11 января 1936 г. // Бюллетень ВКВТО при СНК СССР. 1936. № 1. Ст. 5. С. 5–6, 8.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп.1. Д. 115. Л. 75.

имеющем мало общего с тогдашними академическими реалиями, а в той его части, где речь шла о необходимости повышения бдительности. Насаждаемая сверху психология осажденной крепости должна была пропитать собой и деятельность ВАК. Межлаук в очередной раз призвал собравшихся мобилизоваться и «не забывать в какой обстановке мы живем. Вы видите сейчас и слышите, в каких условиях Республика Советов идет от одной победы к другой. Она окружена врагами, мы живем в тот момент, когда враги пробуют противопоставить нашему Советскому Союзу – надежде и оплоту всего мира – пробуют противопоставить другое; когда темные заговоры ряда старых хищников стоят поперек дороги в этом деле, когда готовятся разные козни и когда главной опорой нашей является надежда на наши собственные силы, как сказано, было с высоты VIII Чрезвычайного Съезда Советов»⁶⁶.

Но еще большую угрозу представляют враги внутренние. В этой связи Межлаук неслучайно вспомнил убийство Кирова, совершенное ровно два года назад: «Мы с вами собираемся на другой день после печальной годовщины убийства одного из лучших наших вождей – т. Кирова. Мы собираемся после процессов, которые показали вам, что классовые враги, не надеясь на победу в открытом бою, ставшие презренной агентурой заграничных разведок, агентурой фашизма, эти классовые враги наши не только не успокоились, а перенесли в подполье свою деятельность, будучи разбиты в открытом бою. И высшая школа отнюдь не является в этом смысле исключением – это тоже арена борьбы, это в достаточной степени важный участок, на который враги достаточное внимание обратили и обращают»⁶⁷. Поэтому главной в аттестации научных кадров должна стать политическая бдительность членов ВАК: «И это вдвойне обязывает нас, когда мы с вами будем рассматривать и утверждать людей, выдавать им ключи от кафедр и от дела преподавания в высшей школе, проявлять подлинную бдительность»⁶⁸.

Если Межлаук расставлял идеологические и политические ориентиры для работы ВАК, то его заместитель С.Б. Волынский в своем выступлении остановился на самом механизме аттестации. Он с одобрением отзывался о готовящейся отмене квалификационных комиссий наркома-

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп.1. Д. 115. Л. 77.

⁶⁷ Там же. Л. 80.

⁶⁸ Там же. Л. 81.

тов⁶⁹. Упразднение наркоматовских квалификационных комиссий автоматически повышало роль и масштаб экспертных комиссий, вошедших в состав ВАК. Количество экспертов, по сравнению с предыдущей ВАК, выросло с 200 до 500 человек. Число референтов также увеличилось и достигло 1,5 тыс. вместо прежних 600. Более жесткими стали требования к защите диссертаций. Теперь получить кандидатскую степень без защиты диссертации стало невозможно. Для докторских по-прежнему делались исключения, но усилилась тенденция к сокращению подобных исключений: «Вообще это разрешение давать ученую степень без защиты диссертации было дано Правительством как временная мера на очень короткий срок. Это вполне понятно, потому что может быть доктор *honoris causa*, но не кандидат»⁷⁰.

Хотя речь Волынского, как уже отмечалось, была посвящена техническим вопросам, тем не менее оратор не смог обойти идеологические моменты. Он в очередной раз призвал собравшихся усилить политическую бдительность и направить ее на разоблачение внутренних врагов. Поворотным моментом здесь стало дело академика Н.Н. Лузина, рассматривавшееся в Академии наук СССР в июле 1936 г. Внешние обстоятельства этого дела хорошо известны, и основные документы, проливающие на него свет, в настоящее время опубликованы⁷¹. Мы же остановимся на нем лишь в той степени, в какой оно касалось ВАК. Сам Н.Н. Лузин был председателем экспертной комиссии по математике, а председателем комиссии по его делу в Академии наук был Г.М. Кржижановский, который в то время еще возглавлял ВКВТО и ВАК. Напомним, что Лузина обвиняли в наиболее изощренной форме вредительства, проявившегося не в открытой клевете на «наши достижения», а в захваливании еще имеющих место отдельных недостатков. Повод для начала масштабной кампании был буквально смехотворный. Посетив в июне 1936 г. выпускной экзамен по математике в одной из московских школ, Лузин в газете «Известия» с похвалой отозвался об ответах школьников и заодно похвалил директора и учителей. В ответ директор этой школы, уже подготовленный соответствующим образом, разразился гневной статьей в «Правде».

⁶⁹ Формально они будут отменены постановлением СНК от 26 апреля 1938 г. См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1938. № 21. Отд. 1. Ст. 134. С. 362–366.

⁷⁰ ГАРФ. Р-9506. Оп.1. Д. 115. Л. 109.

⁷¹ Дело академика Николая Николаевича Лузина / отв. ред. С.С. Демидов, Б.В. Левшин. СПб.: РХГИ, 1999.

«Нам не нужно, – возмущался он, – неискренних восторгов, – они ничему не учат, ничему не помогают. Больше того, они вызывают чувство недоверия к автору заметки»⁷².

На следующей день «Правда» поместила редакционную статью «О врагах в советской маске»⁷³. Уже из самого названия следует, что статья имела двойную цель. Она была непосредственно по Лузину, но все обвинения были сформулированы так, что могли быть отнесены еще ко множеству нераспознанных врагов «в советской маске». Иными словами, поступок Лузина трактовался не как отдельный казус, а как вполне закономерная «выползка» одного из множества затаившихся недругов. Лузина обвиняли в том, что он дает «блестящие» и «незаслуженные» отзывы своим коллегам, рекомендует их труды к печати, а их самих на работу в Академию наук: «Фабрикация заведомо ложных похвальных отзывов – это частица линии академика Лузина, линия на засорение советской математической науки людьми неподготовленными»⁷⁴. Не обошло Лузина и обвинение в плагиате, и чуть ли не в убийстве одного из своих учеников, после смерти которого он, якобы, воспользовался его трудами. Подобный бред должен был усилить другое, более реальное, обвинение в том, что Лузин публикует свои работы за границей.

Нужно сказать, что практика публикаций научных статей в зарубежных изданиях в 1920-е – начале 1930-х годов советскими авторами считалась нормальной. Советское издательское дело находилось в таком же развале, как и сама наука. Поэтому единственным способом познакомить мировое научное сообщество с результатами своих трудов были публикации на иностранных языках и в иностранных издательствах. Примерно до 1936 г. ВАК совершенно спокойно смотрела на это явление и принимала к аттестации иностранные публикации наряду с отечественными. При этом советские авторы стремились лучшие свои работы опубликовать за границей, понимая, что там – их основная читательская аудитория. Дело Лузина стало началом кампании по преследованию авторов, печатавшихся за рубежом. В качестве разоблачительного приема практиковалось противопоставление «слабых» и «сильных» работ одного и того же автора. Это давало возможность предъявить ему обвинение в

⁷² Дело академика Николая Николаевича Лузина... С. 254.

⁷³ Ее автором, как установили С.С. Демидов и Б.В. Левшин, был партийный функционер и посредственный математик Э.Я. Кольман, сводивший с Лузиным, прежде всего, личные счеты.

⁷⁴ Дело академика Николая Николаевича Лузина... С. 256.

двойном вредительстве: свои слабые работы он публикует в СССР, чем вредит социалистическому отечеству, а свои сильные работы публикует за границей, чем снова наносит вред родине, так как обогащает вражескую науку. В таком вредительстве газета «Правда» обвиняла Лузина: «Чтобы казаться активным членом Академии наук, он печатает в различных изданиях в СССР многие свои якобы научные статьи. Но научная ценность большинства этих статей ничтожна. Сам Н. Лузин в дружеских беседах не стесняется заявлять, что он ежегодно выбрасывает на рынок науки несколько мемуаров, внутренне смеясь над их содержанием. Он называет эти работы белибердой, которую надо печатать исключительно для «устрашения количеством». <...> Под видом научных работ печатает Н. Лузин некрологи, мелкие и бессодержательные заметки-комментарии и тому подобное. А более или менее самостоятельные свои работы Н. Лузин отсылает для печатания за границу – во Францию, Польшу и даже... Румынию»⁷⁵.

Нагнетая обстановку, автор заметки связал заграничные публикации с идейными взглядами автора. То, что речь при этом шла о математических работах, в расчет не принималось, так как математика, как и любая другая наука в СССР, делилась на советскую и буржуазную. Поэтому Лузина, публиковавшегося на немецком языке, «Правда», ничтоже сумняшеся, обвинила в фашизме, а заодно и в черносотенстве, православии и самодержавии: «Мы знаем, откуда вырос академик Лузин: мы знаем, что он один из стаи бесславной царской “Московской математической школы”, философией которой было черносотенство и движущей идеей – киты российской реакции: православие и самодержавие. Мы знаем, что и сейчас он недалек от подобных взглядов, может быть, чуть-чуть фашистки модернизированных»⁷⁶.

Погром завершился для Лузина относительно благополучно. Его, конечно, уволили с работы, но все-таки не расстреляли и даже не посадили. Тем не менее для последующей деятельности ВАК его дело имело большие последствия. Не случайно на упомянутом совещании С.Б. Волынский напомнил собравшимся, что «дело академика Лузина прозвучало в этом отношении для нас тревожным сигналом». Он связал его с таким негативным явлением в практике аттестации, как «профессорская вежливость», когда «считается недопустимым и невозможным дать рез-

⁷⁵ Там же. С. 256.

⁷⁶ Там же. С. 257.

кую критику и отзыв о работе, которая на самом деле ничего не стоит. Под покровом этой «профессорской вежливости», под покровом такого либерального, благополучного отношения к ошибкам или даже проступкам очень удобно прикрываться, иногда, врагам»⁷⁷.

Главным же следствием было изменение отношения к зарубежным публикациям. Это уже произошло при следующем составе ВАК, сформированном в 1938 г., после чистки ее рядов. В 1938 г. были расстреляны председатель ВАК Межлаук и еще несколько ее членов: историк В.Г. Кнорин, юрист Е.Б. Пашуканис, педагог А.П. Пинкевич и математик Я.Н. Шпильрейн. Новую комиссию вместе с ВКВШ возглавил безликий бюрократ сталинского образца С.В. Кафтанов. В своей первой речи на заседании ВАК 17 октября 1938 г. он не касался идеологии и не призывал разоблачать врагов, как это делал его расстрелянный предшественник. Он говорил лишь о технических вопросах аттестации, но и здесь не внес никаких принципиальных изменений по сравнению с предыдущей практикой, разве что придал большую регулярность заседаниям – раз в пять дней.

В те годы давление идеологического пресса ощущалось в полной мере всеми членами Комиссии. К числу уже существующих критериев аттестации, о которых речь шла выше, добавилось наличие заграничных публикаций и вообще работы на иностранных языках. Это могло служить основанием для отказа в присуждении степени. Приведем один из характерных случаев. Известный гистолог Е.М. Вермель в своё время входил в состав квалификационной комиссии Наркомпроса, где ему была предложена докторская степень без защиты диссертации по совокупности трудов. Однако Вермель отказался и «заявил, что он хочет выступить с публичной защитой диссертации и на основании этой защиты получить степень доктора». Правда, текст диссертации он почему-то представил на немецком языке, а тезисы на русском. В 1938 г. ВАК, естественно, отказала ему в присуждении степени. Тогда на том же заседании снова был поднят вопрос о присуждении ему докторской степени по совокупности работ. Началось обсуждение, в процессе которого научные критерии сразу же были подменены идеологическими. Печально знаменитый академик Т.Д. Лысенко обратил внимание присутствующих на то, что «в списке работ т. Вермель <sic!> имеется 35 работ, но на русском языке напечатано только 6» и задал «своевременный» вопрос: «Почему Вермель не

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 115. Л. 97–98.

публиковал свои работы на русском языке?». Эксперт Кулагин, выступавший по работам Вермеля, пытался объяснить ему, что «работы, напечатанные на иностранных языках, относятся к более старым годам. В старые годы считалось, что если работа напечатана на русском языке это немножко хуже, но если работа напечатана на иностранном языке – то это уже много лучше». Такое объяснение только распалило Лысенко. «Я все-таки не понимаю, – не унимался он, – за какие работы считали возможным дать т. Вермель <sic!> степень доктора. У него нет почти ни одной работы на русском языке». Далее эту тему развил советский философ А.П. Гагарин, он же заместитель председателя ВАК: «Я хочу сделать следующее замечание: опубликованные работы т. Вермель <sic!>, и в частности его докторская диссертация, находятся на недостаточной теоретической высоте. Наряду с этим мы видим рабское преклонение перед буржуазной культурой. После 1924 г. нет ни одной работы, напечатанной на русском языке, которая бы могла являться достойной научно-исследовательской работой. На русском языке он пишет только те работы, которые являются наиболее слабыми». В результате постановили: «Ходатайство об утверждении доктором отклонить»⁷⁸.

На этом примере видно, что язык публикаций стал важным критерием «научности», основанием для отказа в присуждении степени. Реальный же вклад соискателя в науку никого из членов ВАК не интересовал. Аналогичные ситуации возникали и в случае обнаружения у диссертанта немарксистских взглядов. Так, при обсуждении докторской диссертации другого известного гистолога М.М. Кузнецова⁷⁹ тот же Гагарин, ничего не смысливший в вопросах гистологии, уцепился за высказанное вскользь замечание одного из оппонентов, что в работе имеются «виталистические высказывания». Советскому философу этой фразы было вполне достаточно для окончательного вывода: «Таким образом, исходными позициями данной работы являются идеалистические взгляды ее автора, потому что витализм, в конечном итоге, ничем не отличается от идеализма. Если эти взгляды высказываются автором данной диссертации, мы обязаны эту диссертацию отклонить. Все-таки, марксистско-ленинская теория является единственной научной теорией в стране при разработке различных научных вопросов»⁸⁰.

⁷⁸ Там же. Д. 210. Л. 64–65.

⁷⁹ Диссертация называлась «Гистологические признаки старения кожи».

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 1. Д. 211. Л. 57.

Количество подобных примеров легко можно множить. Они хорошо показывают сформировавшийся подход к научной аттестации в СССР в предвоенные годы. Аттестация, автономная от качества рассматриваемых работ, стала мощным рычагом управления наукой. Параллельно с этим все больше регламентировались требования, предъявляемые к внешней стороне диссертации. В итоге к 1938 г. сформировалась многоуровневая система фильтрации, через которую должен был пройти диссертант как по месту защиты, так и в ВАК. Сначала соискатель представлял текст диссертации с массой сопровождающих документов (личным листком по учету кадров, автобиографией, копией диплома о высшем образовании, деловой и политической характеристикой и т.д.) в ученый совет того заведения, где должна была состояться защита. Для первичной экспертизы назначалась комиссия в составе заведующего кафедрой и двух рецензентов, одним из которых должен был быть профессор этой же кафедры, а другой приглашался со стороны из числа ведущих специалистов в данной области. В случае положительного заключения комиссии работа допускалась к защите на ученом совете. После защиты текст диссертации, обраставший еще большим количеством бумаг, отправлялся в ВАК, где проходил, как уже отмечалось выше, трехуровневую экспертизу.

Однако вся эта экспертиза была ориентирована в первую очередь на ужесточение идеологического контроля, который оказывался доминирующим на всех этапах прохождения диссертации. Лишь в послесталинское время отдельные советы могли себе позволить руководствоваться исключительно научными соображениями при рассмотрении диссертаций. Но таких советов не было и не могло быть много, а количество защищаемых в них работ в общем потоке диссертаций всё равно было ничтожным. Работа над диссертацией проходила в условиях почти полной изоляции, вне связи с мировым научным процессом. Советские ученые в своем большинстве были лишены не только прямых контактов с зарубежными университетами и научными центрами, но и доступа к иностранной литературе по их темам. Отчетность о науке часто подменяла собой реальный исследовательский процесс. От преподавателей вузов в обязательном порядке требовалась защита диссертации, даже если они не проявляли склонности к исследовательской работе. На практике это приводило не к концентрации ученых в вузах, а к искусственному увеличению кандидатов и докторов наук.

Parsamov, V.S., Shalayeva, A.V.

The problems of the system of the scientific attestation in the USSR in the thirties. Results and perspectives of the study [Text] : Working paper WP6/2014/04 / V. S. Parsamov, A. V. Shalayeva ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – 40 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

The development of the system of the scientific attestation in the USSR was closely connected to the politics and ideology. However during the analysis of the topic neither Soviet nor contemporary researches pay attention to the political context and therefore the general picture appears distorted. The authors of this article outline possible perspectives in the research of the history of the Higher Attestation Commission – “Vishaya Attestatsionnaya Komissiya” (VAK) during 1933–1938 period of time. They demonstrate that from the very beginning VAK was intended not only as a structure which would assign scientific degrees and titles but also as a state control mechanism. Based on the archival documents which are being introduced here for the first time VAK and its techniques and methods of work are presented as one of the units of the state machine of Stalinism.

Препринт WP6/2014/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Парсамов Вадим Суренович, Шалаева Анастасия Владимировна

**ВАК и проблемы научной аттестации в СССР в 1930-е годы.
Итоги и перспективы изучения**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,9
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1600

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»